

Жила-была в одной деревне крестьянка Марья. И был у неё сынок Ванюшка. Хороший вырос парень — красивый, здоровый, работающий. Вот приходит он как-то раз к матери и говорит:

— Матушка, а матушка.

— Чего, дитяtko?

— Матушка, я жениться хочу.

— Так что ж, женись, Ванюшка, женись, ягодиночка. Невест-то всяких много: есть в нашей деревне, есть в соседней, есть в залесье, есть в заречье... Выбирай любую.

А Ванюшка отвечает:

— Нет, матушка, не хочу я жениться на простой-то крестьянке, хочу жениться на царской дочке. Удивилась Марья:

— Ой, Ванюшка, чего ты надумал! Не отдаст за тебя царь дочку-то. Ведь ты простой мужик, а она — шутка сказать — царевна!

— А почему не отдать? Я парень здоровый, работающий, красивый. Может, и отдадут.

— Ну что ж, пойди, Ванюшка, попытай счастья. Собрала ему мать котомку, положила хлебца ломоть, — пошёл Ванюшка свататься.

Идёт лесами, идёт горами — смотрит, стоит большущий дворец: стены золочёные, крыша золотая, на крыше петушок золотой сидит, крылечки все резные, окошки расписные. Красота! А кругом слуг — видимо-невидимо. Ванюшка и спрашивает:

— Тут царь живёт?

— Тут, во дворце, — отвечают слуги.

— И царская дочка с ним?

— А куда она от отца-то денется? И она тут!

— Ну, так бегите к ней, скажите — пришёл Марьин сын Ванюшка. Жениться на ней хочу.

Побежали слуги, — и выходит на крылечко царская дочка. Матушки, до чего же важная! Сама толстущая-толстущая, щёки пухлые, красные, глазки маленькие — чуть виднеются. А носик такой

весёлой пупочкой кверху торчит.

Поглядел Ванюшка на неё и спрашивает:

— Ты царская дочка?

— Конечно, я. Или не видишь?

— Я на тебе жениться хочу.

— Ну, так что за беда? Пойдём в горницу-то, побеседуем.

Входят они в горницу. А там стол стоит, самовар на столе и всякое-то, всякое угощение разложено. Ну, царь-то богато жил, — всего было много. Уселись они, Ванюшка и спрашивает:

— Ты невеста-то богатая? Платьев-то много у тебя нашито?

— А ещё бы не много! Я ведь царская дочка. Вот утром встану, новое платье надену — да к зеркалу. Погляжусь на себя, полюбуюсь — да к другому зеркалу, в другом платье. Да потом третье надену — да к третьему зеркалу. А потом — четвёртое. ..

Вот так целый день до вечера наряжаюсь да в зеркала гляжусь.

— До вечера, — Ванюшка спрашивает, — всё наряжаешься? А когда же ты работаешь-то?

Поглядела на него царская дочка и руками всплеснула:

— Работать? Ой, Ванюшка, какое ты слово-то скучное сказал! Я, Ванюшка, ничего делать не умею. У меня всё слуги делают.

— Как же, — Ванюшка спрашивает, — вот женюсь я на тебе, поедем мы в деревню, так ты сумеешь хлеб-то спечь? Печку-то растопить сможешь?

Пуще прежнего царская дочка дивится:

— Хлеб? В печку? Да что ты, Ванюшка! Ведь в печке дрова горят, а сунешь туда хлеб — он углём станет. Мне царь-тятенька сказывал — хлеб-то на ёлках растёт.

— На ёлках? Ну, поглядел бы я, где это такие ёлки водятся. Эх ты! Ну, а скажи-ка мне, ты у отца-то набалована, есть-пить сладко привыкла? Чай-то как пьёшь — в прикуску или в накладку?

Глядит на него царская дочь, головой качает:

— И не в прикуску, Ванюшка, и не в накладку. Я ведь царская дочка, а у нас, у царей, всё не как у людей. Вон у меня в потолке крючочек, а с крючочка верёвочка висит. Как я захочу сладкого чаю, — привяжут мне к этой верёвочке целую сахарную голову. Голова висит над столом, болтается, а я пососу её, да и пью, пососу, да и пью. Ванюшка и глаза выпучил.

— Это, — говорит, — как же? Каждый день тебе сахарную голову к чаю надо? Да у нас в деревне так чай никто не пьёт. Нет, видно, ты к нашим порядкам-то не приучена. . . Ну, а скажи-ка мне, хорошая ли ты рукодельница? Нашила к свадьбе перин, подушек, одеял?...

Царская дочка только руками машет:

— Да что ты, Ванюшка! Стану я, царская дочка, на постели спать!

-А ты как же, — Ванюшка спрашивает, -без постели? На полу, что ли? Или на сеновал бегаешь?

— Нет, и не на полу, и не на сеновале. Я ведь царская дочка. У меня, Ванюшка, не постель, а целая комната пухом набита. Войду я в неё, — нырну да вынырну, нырну да вынырну. . . Так вот и сплю.

Ванюшка кусок в рот нёс, у него и рука остановилась.

— Это что же, ты мне целую избу пухом набьёшь? Да как же в такой избе жить-то станем? Ведь задохнёмся! Ты, может, и привыкла, а нам с матушкой этак несподручно. Нет, видать, ты хозяйка-то плохая. .. Может, ты хоть грамотна хорошо? Так возьму я тебя в деревню, станешь наших ребят в школе грамоте учить.

— Ребята? Да что ты, Ванюшка! Опомнись! Стану я, царская дочка, ребят деревенских учить! Да я, Ванюшка, ребят терпеть не могу, заниматься с ними ни за что не стану. Да, по правде сказать, я, Ванюшка, и не шибко грамотна.

— Неграмотна? — Ваня спрашивает. — Чего ж ты экая выросла большущая, толстущая, а неучёная?

— Да я, Ванюшка, две буквы-то знаю, расписаться могу. Знаю буквы “Мы” да “Кы”. Поглядел на неё Ванюшка:

— Это что ж такое “Мы” да “Кы”? У нас так в деревне и ребята не скажут, не то что взрослый человек.

— А это, Ванюшка, моё имя и отчество: “Мы” — Миликтриса, а “Кы” — Кирбитьевна. Вот две буквы-то и есть.

— Чего ж ты всех остальных-то не выучила? -Ванюшка спрашивает.

Царская дочка и губы надула:

— Экой ты, Ванюшка, неладный, всё тебе не так да не этак! Я и то в нашей семье самая учёная. Царь-то, тятенька, у нас и вовсе малограмотный. ..

Сидит Ванюшка, лоб потирает, про угощенье и думать забыл.

— Да... — говорит, — должен я пойти домой, с матушкой посоветоваться, подходящая ли ты мне невеста.

— Пойди, Ванюшка, пойди, голубчик. А назавтра, верно, назад придёшь: лучше-то меня нигде не встретишь.

Пошёл Ванюшка домой. Приходит, рассказывает Марье:

— Ну, матушка, видел я царскую дочку. Такое, матушка, несчастье: целый день она наряжается да в зеркала глядится, работать ничего не умеет, говорит — хлеб-то на ёлках растёт. Да чай-то пьёт не по-нашему — целую сахарную голову сосёт. Да спит-то не на постели, а куда-то в пух ныряет да выныривает. Да грамоте не знает. На что мне, матушка, такая невеста!

А Марья смеётся и говорит:

— Ладно, Ванюшка, ладно, ягодиночка. Я сама тебе невесту найду.

Поискала мать в деревне — и нашла сыну невесту Настеньку. Хорошую такую девушку — умницу-разумницу, хозяйку исправную, рукодельницу работающую. Вот женился Ванюшка, да и зажил счастливо.

А царская-то дочка с того дня, говорят, каждое утро на крылечко выходила да по сторонам смотрела: где же Ванюшка? Куда ушёл? Чего не возвращается?

А Ванюшка к ней не вернулся. Такая лентяйка да неумеха, да неучёная, неграмотная — кому она надобна? Да как есть никому!

Так всю жизнь до старости она и просидела. Только вот сказка про неё осталась. Сказка-то по деревням шла, шла, до нашей деревни дошла, — а теперь вот и к вам пришла.